

© 2001 г.

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ, Е.А. ШИРОКОВА

СОЦИАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ: К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович - доктор философских наук, директор Института социологии и экономики Уральского государственного профессионально-педагогического университета. ШИРОКОВА Елизавета Александровна — студентка социологического факультета того же вуза.

Изучение социальной ностальгии как явления, обретающего определенные специфические черты и общественное звучание, полагаем, сегодня становится весьма необходимым. В условиях резких социальных перемен и нарастания разочарованности складывающимся бытием, острая потребность части общества удержаться в привычных для себя социокультурных рамках приводит к актуализации "образа прошлого". Социальная ностальгия предстает своего рода индикатором нарушения взаимосвязи времен, когда переживание реальной действительности обращено к прошлому и настоящее оценивается лишь в сравнении с ним.

Проблемы, связанные с социальной ностальгией, относительно новы для социологии, хотя рассматриваемый феномен знаком и предшествующим эпохам. Тем не менее социологические аспекты его осмысления остаются малоисследованными, а сам термин пока не получил научного статуса. Известно значение слова "ностальгия", приводимое в толковых словарях: боль, страдание, тоска по родине, чему-нибудь безвозвратно потерянному, ушедшему. Думается, вобрав все перечисленные смысловые оттенки, социальная ностальгия обладает и набором имманентных характерологических признаков. Главные среди них - ее субъект и объект.

Субъектом социальной ностальгии оказываются целые классы, слои, большие скопления людей (в отличие от "обычной" ностальгии, носителями которой выступают отдельные индивиды), в качестве же объекта фигурирует общество в целом (для индивидуальной ностальгии - это конкретная утрата, потеря человеком чего-либо личностно существенного из имевшегося у него в прошлом).

Социальная ностальгия может быть отнесена к такой социально-психологической характеристике, как "социальное чувство" - чрезвычайно существенная сторона груп-

пового эмоционального состояния. Однако тут, наверное, было бы ошибочно говорить только об эмоциональном состоянии тех или иных общностей. Помимо эмоциональных, в нее включено и немало рациональных моментов. Ведь речь идет о восприятии общественного строя, социального порядка, и одной эмоционально окрашенной оценкой прошлого не обойтись. Скорее всего, рациональное и эмоциональное нераздельно, органично соединены именно в том переживании, которое мы определяем как социальную ностальгию.

Она, правомерно предположить, очень тесно переплетается с социальным настроением и социальным самочувствием. Интерес к этим категориям социальной науки исследователи стали проявлять ныне довольно явственно, что объясняется общими тенденциями, которым подвержена социология, все больше раскрывающая человека как творца социальных миров. Его субъективные чувства, эмоции, впечатления, обретая социальную, объективную форму, превращаются в основные конструкты этих миров. Поэтому социальные настроения и самочувствие неизменно принимаются во внимание в ходе исследования социальных объектов.

Социальную ностальгию как массовое явление сложно не заметить. Скажем, ностальгические настроения, пронизывающие Россию (сочувствие огромных групп населения идеалам, провозглашенным в советском обществе коммунистическим учением), в течение нескольких лет фиксируются как на уровне здравого смысла, так и в конкретных социологических исследованиях. Затрагивая повседневные интересы масс, они влияют на их жизненный стиль, установки, ориентиры, поведение, следовательно, играют важную роль в формировании повседневности и, как результат этого, отражаются на общем социальном самочувствии, направленности мыслей, устремлений, ориентируют на прошлое, оживляют в общественном сознании те элементы советской системы, которые гарантировали относительную стабильность и благополучие. Но это, кстати, не означает, что люди безоговорочно хотели бы вернуться в прежние времена и полностью отвергают рыночные отношения [1].

Как нам кажется, одной из главных причин возникновения социальной ностальгии служит смена (подчас резкая) привычных ориентиров в переходном обществе. Разувившись в настоящем, не ожидая ничего хорошего в грядущем и не будучи способными адаптироваться к новым ценностям и ориентирам, перманентно модифицирующимся вследствие быстрых и не всегда позитивных преобразований, ущемленные социальные группы стараются найти себе некие "реперные" точки в прошлом.

Поиск этих опор связан, прежде всего, с остро испытываемой человеком нуждой обратиться к прочным, непреходящим ценностям в неуклонно и быстро меняющемся мире. Фиксация на настоящем затруднительна для большей части индивидов, во-первых, в силу негативного отношения к нему, а, во-вторых, из-за расплывчатости, неопределенности настоящего, отсутствия в нем "генеральной линии". Данное противоречие можно представить как несоответствие и даже конфликт между быстрыми общественными изменениями, которые являются причиной непрерывной динамики представлений, норм, и потребностью людей в закреплении какой-либо устойчивой ценностной системы.

Порассуждаем - возможно, схематично и не бесспорно — о некоторых теоретических вопросах исследования темы, несомненно, ждущей в дальнейшем своей предметной разработки.

Начнем с основного понятия, в котором мы усматриваем "социальное чувство, характерное для определенных социальных общностей (групп) и связанное с их рациональной и эмоциональной ориентацией на идеализируемый и ушедший в прошлое общественный порядок" [2].

Конкретизируя и уточняя эту позицию, допустимо определить социальную ностальгию как создаваемый *post factum* миф об общественном строе, общественных отношениях, образе жизни, идеалах и целях, свойственных прошлому. Часто этот миф являет собой картину одновременно естественную и ирреальную, представляет некий символ, оперируя которым, пытаются познать повседневную реальность и моделировать мир

сквозь призму "высшей реальности", воспринимаемой в виде идеального прообраза (или архетипа). Социальная ностальгия подчинена закону социального сравнения, когда настоящее воспринимается и негативно оценивается благодаря мифу, сочетающему в себе как реальные, так и выдуманные черты минувшего, выступающего предметом идеализации и объектом тоски. Вместе с тем, нельзя не сказать, что она соотносится не с совсем недавним, а с уже устоявшимся прошлым, успевшим закрепиться твердыми впечатлениями в памяти.

Распространенность ностальгических настроений (или мифотворчества *post factum*) в современной России может быть объяснена тем, что нация (в терминологии К. Хьюбера) сама по себе оказалась демифологизированной ЛЭЖ. Чувства, которые гальванизируют в нас наша недавняя перестроечная и послеперестроечная история, оборачиваются чем-то субъективным, не очень связным, не вызывая четко осмысленных и выраженных эмоций. Вся она предстает чередой случайностей, ошибок, суеты и сумятицы. Воздействие вечного, трансцендентного или судьбоносного при этом исключается: все события, имевшие место после развала СССР, вряд ли большинством трактуются в подобном плане. Не оттого ли происходит обращение к нечто более определенному и устойчивому — внешней атрибутике советского государства. Яркий пример - принятые Думой закон о государственной символике и особенно гимн, написанный на старую музыку композитора А. Александрова, текст которого по смыслу и духу не отличается от прежнего.

Ностальгические настроения разнослойны. Попробуем их сгруппировать. Для этого рассмотрим ностальгию в ракурсах двух основных стратегий человеческого бытия: целеполагания и смыслопорождения.

Стратегия целеполагания обеспечивает жизнедеятельностный процесс, имеет технологически выраженный конструктивный и ценностный характер, рациональна и направлена на осмысление человеческой деятельности, которая невозможна вне общества. Поэтому она ориентирована на "относительные" ценности, правила и стереотипы поведения, действующие в пределах конкретного исторического отрезка. Их трансформация, частичная или даже полная замена другими предопределена сменой старого и становлением нового общественного строя, что естественно ведет к серьезным адаптационным трудностям, болезненно ощущаемым населением, и в конечном итоге - социальной ностальгии, тоске об утраченном образе жизни, общественно-экономической стабильности, порядку, уверенности в завтрашнем дне, которые, дескать, способна принести "политика сильной руки".

Стратегия смыслопорождения обеспечивает собственно процесс житнетворчества, ориентирована на данность событий, явно онтологична, т.е. творчески деконструктивна и внеценностна по отношению достижений деятельности. Стало быть, ностальгия в русле данной стратегии словно бы "абстрактна", ибо касается не "относительных", но "абсолютных" ценностей, поведенческих норм и стереотипов. Их носитель - существо несуетное, нерасчетливое, укорененное, обладающее достоинствами культурного человека и ностальгирует не по поводу канувшего в небытие жизненного уклада, а по некоторым идеальным ценностям, что еще не претворены в реальную жизнь. Содержание его ностальгии сугубо индивидуально. Ее причина в неудовлетворенности бытийными реалиями как таковыми, несоответствие которых возвышенным представлениям о мире порождает неприятие, отторжение происходящего. Такая индивидуальная ностальгия в большей степени мифологична, чем социальная. На наш взгляд, именно она активизирует массовую ностальгическую настроенность, придает ей смысл и позволяет идентифицировать как объединяющее чувство, делает субъективным/объективным явлением.

Вообще-то социальная ностальгия всегда и неразрывно коррелирует с идеей идентичности, в процессе поиска которой резко возрастает изолированность группы, ее члены пытаются замкнуться внутри нее, утвердиться в собственной эксклюзивности. Усиливается, к примеру, значимость этнонационального — одного из самых симптоматичных проявлений так называемого "смутного времени" [4].

Заинтересованные политические силы с помощью механизмов манипулирования общественным мнением могут легко конструировать социальную ностальгию, превращая ее в долговременный и постоянно действующий фактор, подчас затрагивающий уже не столько элементы сознания (духовно-нравственные ценности, нормы, идеи, идеалы), сколько внешние проявления, атрибуты прошедшей эпохи, о чем упоминалось выше применительно к нынешней российской действительности. Существует "стандартный" набор рода атрибутов, который принимается членами общностей и поддерживает ностальгические настроения.

Известную специфичность в переходном обществе приобретает взаимодействие настоящего с прошлым. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, для кризисных периодов подлинным основанием ресоциализации выступает настоящее. Оно предстает теперешним отношением к прошлому, которое нередко перетолковывается, субъективно наделяется чертами, в нем отсутствовавшими. Причем это перетолкование происходит в соответствии с восприятием настоящего [5]. Пессимистическое восприятие чревато идеализацией прошлого, оптимистическое - его отрицательным перетолкованием.

С другой стороны, прошлое заметно формирует настоящее - посредством передачи и сохранения традиций, обычаев и практик. Не случайно, например, Ф. Дюфрен определяет социальное время как такое, в течение которого традиция обретает предметность, воспоминания структурируются и становится возможным увязать события настоящего "инкогнативного, незавершенного, неопределенного" с "предстоящим в качестве вневременного процесса прошлым". Коллективное воображение подпитывается длительной эпохой формирования коллективной памяти, отчего прошлое выглядит залогом будущего [6, с. 220]. Среди всех образов, предоставляемых индивиду семейными, религиозными, политическими традициями, сохраняются лишь те, которые способны вписаться в практику людей, полноценно живущих настоящим.

Итак, коллективная память о прошлом хранит в себе то, что вписывается в человеческую практику. Но хаотичность социальной жизни переходного периода разрушает гармонию времени. Тяга к прошлому и реабилитация исконного зачастую диктуются паническим чувством, вызываемым крупными изменениями в общественном устройстве, желанием влезть в "одеяние дедов", как в другую жизнь, из страха потерять всякую точку опоры, хоть какой-нибудь ориентир для определения своего места в стремительно меняющейся современности [там же, с. 230].

Между тем многие исследователи подчеркивают: даже в традиционных западных культурах, куда давно и прочно проникло влияние социального и научно-технического прогресса, наблюдаются (пусть и не массовые) обращения к древним истокам нравственности, ностальгическое восхваление земли - прародительницы, страдания по утерянному природному состоянию и т.п., что вновь и вновь свидетельствует о глубочайшей растерянности общества перед настоящим. Вот почему если рассматривать феномен социальной ностальгии в каком бы то ни было обличьи, опираясь при этом на последовательный анализ коллективных представлений, запечатленных исторической памятью, мы так или иначе выходим на основную идею — его обусловленности особенностями настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., напр.: *Тоценко Ж., Харченко С.* Социальное настроение. М., 1996. С. 96.
2. *Зборовский Г.Е.* Социальная ностальгия как социологическая проблема // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Тезисы докладов III межрегиональной научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 15.
3. См.: *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1996. С. 329.
4. См.: *Лебедева Я.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С.11.
5. См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 258-260.
6. См.: *Рафаэль Ф.* Работа памяти: воссоздание прошлого перед лицом вызова современности // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. СПб., 1996.